

Васили Стрельченко

с 84

р 28011

ВАДИМ СТРЕЛЬЧЕНКО

М О Я

ФОТОГРАФИЯ

СТИХИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Москва 1941

С-84

Художник Б. У х а н о в

ВАЛЕНТИН

Поэма

1

Ты рожден. Все слепяще и ново.
Есть глаза,
Но мешаются тени и свет.
Есть язык, но не высказать слова.
Есть и ноги и руки,
А силы в них нет.

Что кричишь ты? Никто не узнает...
Громче, громче!
И вдруг — бесконечно легко:
Что-то близится, рот закрывает.
Тише...
Сладко коснулось тебя молоко.

А порой колыханье, журчанье...
Ты рванешься, забьешься,
И все-таки ты
В этой маленькой цинковой ванне
Примешь заповедь нашу
Людской чистоты.

Вот исчезли горячие струи,
Ты дрожишь в полотенцах,
Ресницы смежив,
Губы выпятил, как в поцелуе.

Я стою над тобою.
„Ты с нами!
Ты жив“.
Разговоров уже не вести нам —
„Сколько будет их:
Двое или один?
Ольгою назовем? Валентином?
А по-моему дочь.
А по-твоему?“ — „Сын“.

Покупая до срока пеленки,
Неизвестную тяжесть
Впервые неся,
Мать — она не хотела девчонки —
Почему-то хотела,
Чтоб сын родился.

..Время шло. И птенцы пробивали
Скорлупу.
Воздвигались радуг мосты.
И ромашки, и травы вставали,
От корней до вершинок
Водой налиты..
И на свет появился мужчина
В дни грибов
И пудовых плодовых ветвей.

Так рождение в образе сына
Стало, может быть,
Первой удачей твоей.

Что — удачей? Не знаю... Я верю
Только в то, что впервые
Стою над тобой.
Вся — меж форточкою и дверью —

Наша комната стала
Как будто другой.
(А не клали на стены белила,
Полотеры
До блеска не красили пол.
И сиянье не озарило...)
Это что?
Это крошка-хозяин пришел.

Не пришел! Из родильного дома
Мы тебя привезли
В подмосковный район,
В наши стены, где все нам знакомо —
Каждый выступ,
И пепельница, и флакон.

Десять дней тебе, счастье наше!
Даже бабочка,
Муха, жужжащая тут —
Все подвижней тебя и постарше,
Даже те,
Что не долее лета живут.

Жук, свистящий крылато и длинно,
В каплях бури и ветре
Вспоенный жасмин —
Все взрослее они Валентина...
Ничего! Мы еще
Поживем, Валентин!

За июльской ольхой, за сосною
 Нам с тобой
 И не увидеть из окна
 Все зеленое, голубое,
 Многолюдное, круглое...
 Спи. Тишина.

Ты не слышишь гудение пара.
 Это поезд ведут
 Две людские руки.
 А за ним барабанов удары:
 Бьют дубовыми молотами
 Мостовщики,

Чуть примолкнут — в траве оживает
 Жизни малое воинство,
 Жук и пчела:
 Человеческий слух различает
 Прорубанье, копанье,
 Шорох сверла.

В небе — гул заводской: самолеты!
 Нам не надо покоя!
 Покоя и нет.
 В этот мир многорукой работы
 Ты войдешь
 Через двадцать, наверное, лет.

Спи, пока — от работы в сторонке.
 Отлежишься
 В пеленочном узком тепле, —
 Мы научим кривые ножонки
 Неустанно и прямо
 Шагать по земле.

...Мозг затеплится по-человечьи,
За отцом повторишь ты
(Как эхо вдали!)
Буквы всюду прославленной речи,
Пред которой
За морем дрожат короли.

Привыкай. Упивайся вначале
Сонной белою каплей,
Шепчу я любя.
Девять месяцев мы ожидали
Ведь недаром тебя,
Мы хотели тебя!

3

Девять месяцев ожидания!
...Осень (держатся слабо
На ветках плоды...)
...Вот январь (белизна и мельканье).
...Май (и травы,
И вечная песня воды!).

Девять месяцев мчался по кругу
Шар земной,
А на нем уносило и нас.
Я украдкой глядел на подругу
И увидел:
Не та она стала сейчас.

Гребень, пудра, флаконов мерцанье —
Все, как прежде, на столике.
Даже сильнее
Стало женское это желанье —

Быть как можно моложе,
Красивей, стройней.

Украшалась лентой, браслетом
И подолгу причесывалась
По утрам.
А уж новым загадочным светом
Тихий луч
Подымался от сердца к глазам,

И светилась в них не забота
О корзинах, о доме,
Не боли в крестце.
Величавое, легкое что-то
Загоралось
В ее потемневшем лице.

Это зрела великая сила,
За которую —
Юность не жалко отдать.

Это Девочка уходила
В тихий мир фотографий.
Являлася Мать.

Клава! В нашем зеленом альбоме
Есть одна фотокарточка:
...Кажется, сад
(Иль обои цветочные в доме),
Вкруг большого мяча
Пионерки сидят.
Лет по десять вихрастым девчонкам.
Схожи галстуки.
Детски-улыбчивы рты...

Мать, несущая миру ребенка!
Разве та тонкорукая девочка —
Ты?

4

Ну, а я? Ведь и сам я порою
Видел: новое сердце
Вошло в мою грудь.
Каждой женщине, встреченной мною,
Уступаю любовью
На улицах путь.

Каждый лист, повернувшийся к свету,
Все живущее
Кровь оживляет мою.
Не глазами — всем телом планету
Ощущаю, как солнце, теперь
И люблю.

Все мне стало родней и знакомей.
Стали зорче глаза мои,
Тверже слова.
И заботой о хлебе, о доме
Наконец-то наполнилась
Голова.

Что тут скажешь?.. И в радостной дрожи
Я сказал,
Приоткрыв, как при пении, рот:
— Эй, мальчишество! Юность! Ну что же...
Ты уходишь?
Прощай. До свиданья.

Навсегда мы оставим с собою
Счастье первых свиданий
И ночи без сна.
И молчанье вдвоем под луною —
Пусть оно повторится.
Не так ли, жена?

Мы не молоды и не стары.
Пусть, коляску катя
По квадратам торцов,
Пусть войдем мы влюбленною парой
В Двери Мужества,
В мир матерей и отцов!

5

Так шепчу я... А в комнате сонно.
Спит ребенок,
Укрытый от мух кисеей.
Слаще трав и одеколона
Аромат молока
Над подушкой цветной.

За подушкой — стол деревянный
В чистой скатерти,
С кругом электроплиты.
Как любовно помыты стаканы!
... Два кувшина полны:
Молоко и цветы.
Бант на грифе гитары... Сияет
Круг зеркальный,
Блестят абажура шнурки:
Все мерцающе отражает
Очертание
Любящей женской руки.

Мы с женой, что смогли, то собрали
В этих стенах
Для жизни на несколько лет.
...Покрывало на одеяле
И со смехом
Покрашенный нами буфет...

Сколько глиняных и железных
Неприметных чудес
Мы расставили тут!
Сколько добрых и неизвестных
Мастеров
За бесценок нам отдали труд!

Гончары и электромонтеры,
Для меня смастерили вы
Столько вещей...
Не вступали со мной в разговоры
И откуда-то знали
О жизни моей.

Я хочу вас увидеть... Скажите,
Почему на вещах
Не рисуют лица
Их создателя? Крепкие нити
Между нами,
И нет единенью конца!

...Человечек под кисеею,
Ты узнаешь:
Не мне одному ты родня.
Миллионы своею семьею
Назовешь ты...
Но ты ведь не слышишь меня,
Ты, вбирающий соску-пустышку,

Неподвижный лицом,
Разрумяненный сном...
Сероглазого коротышку
Не увижу,
Как сверстника, я за столом.

Разом станем —
Он юношей, я стариком.

Дети, дети! Пока вырастаем,
Все мелькает, мелькает:
Фигуры людей,
Птиц, деревьев... И долго не знаем
Ни отца мы,
Ни матери даже своей.

И потом лишь, как станем мужчины,
Мы отца с благодарностью видим
И мать.
Да... Но их исказили морщины
И седины,
И трудно уже угадать,
Что чудесница, давшая право
Тут родиться,
Где люди и солнце и мгла,
Море, звезды, высокие травы, —
Что тогда она
Девочкою была.
Что и тот, от кого переняли
Мы походку, и голос,
И мужества пыл,
Он (отец наш!) в далеком начале
(В год рождения нашего!) —
Юношей был.

Что сказать? Мне бы просто хотелось,
Чтобы меж Валентином
И мной и женой
Не распалась бы юности целость, —
Чтоб недаром дышали
Под крышей одной,
Чтобы зажили сердцем единым!

Что — года!
Ведь не сам же себя человек
Равукрашивает в седины!

...Я стремился к друзьям,
Неподкупным навек.

С детства жил я своими трудами,
Если ж надобны годы
Забот и труда,
Чтоб родить и своими руками
Друга вырастить, —
Что же, — потратим года!

6

...А из кухни доносятся звоны,
Стук ножа, клекотанье воды,
Аромат
Огородный, июльский, кухонный.
Под давлением пара
Кастрюли гудят.

Там жена в окруженьи соседок
Подымает предпраздничную
Кутерьму.

В печке пламя березовых веток
Так пылает, —
Как солнцу нельзя самому.

Ветви шумного дерева!
Летом
Даже червю
Давали вы сумрак и тень.
Нынче — вспыхните жаром и светом,
Чтоб рожденья людского
Отпраздновать день.
Завтра в полдень настанет веселье,
Чьи-то руки
По рюмкам вино разольют.
Станет вольно и празднично в теле.
Все, кто любит меня,
Неприменно придут.

Что скажу я? Чем завтра отвечу
Говорливым гостям
За себя и жену?

Я, наверно, вот этою речью
Всем отвечу,
Глаза подымая к вину:
Время мчится: на стрелках четыре,
Не проглотить и рюмки, —
Окажется: пять.

Сколько кверху часовые гири
Ни тяни,
Опускаются гири опять.

...Дни промчатся. И станет он взрослым.
Посмотрев на черты
Молодого лица,
Люди скажут: глазами и носом
Валентин так похож
На меня,— на отца.

Что ж, отрадно подумать заранее,
Что мелькнет
И в сиянье далекого дня
Головы моей очертанье...

Да, но будет ли мальчик
Похож на меня?

Много ль общего будет меж нами?
Ну, того, что сближает
Сильнее, чем кровь,
Что не меряют носами иль ртами...
Новый житель!
В тебе повторится ли вновь
Вся любовь моя к этой планете
И любовь к человеку,
К нему одному?
Что сулит тебе это столетье?
Ты родился на свет
В подмосковном доме,—

За тебя мне бояться не надо
В мире вольном
Шахтеров, литейщиков, швей.
(Пусть боится японский микадо
Иль английский король
За своих сыновей)

Ты не будешь владеть одиноко
Ни стадами скота,
Ни водой, ни землей.
Но земля, округлившись широко,
Как и с каждым работником,
Будет с тобой.

Что мудрить над твоею судьбою?
Так живи, Валентин,
На просторах земли,
Чтобы люди дружили с тобою,
Чтобы вместе...
Чтоб жить без тебя не могли!

Помни, Валя: за волком — волчица
И цыплята бегут
За наседкой всегда.
Но сердцами, не кровью, родниться
Могут только работники,
Люди труда.

Может быть, не минет тебя горе.
Может, даже
Слезой затуманится глаз...
Но ведь будут и радости...:
Вскоре
Засверкают глаза твои.
Сын мой! Не раз

Ты воздашь благодарную славу
Той, что мыла, кормила,
Держала в тепле
И дала тебе долгое право
Меж людьми человеком
Пожить на земле.

Мать! Пока сохранится на свете
Нежность в теле ее
И глоток молока,
И в любви зачинаются дети,—
Смерть над жизнью
Не властна наверняка.

В час, когда зародилось круженье,
Вышло солнце,
Земля из туманов всплыла,—
Ведь сначала явилось рожденье,
И не первую смерть
На планету пришла!

Всех нас долго держали у груди.
Всех с любовью и верой
Несли на руках.
Все живые и сильные люди,
Славьте мать человека!
Да будет так.

Елка? У меня-то? В самом деле!
Яблоки и лампы всем назло...
Детства запоздалое веселье,
Наконец ко мне
И ты пришло.

Чем же хвою украшать — портфелем?
Портсигаром?
Чашкой для бритья?
Где найду, согретый легким хмелем,
Вновь штаны коротенькие я?
Их и не было.

...Припоминаю:
Маленький, величиной — с сапог,
Я гляжу, — зачем и сам не знаю, —
На войска,
На сотни пыльных ног.
Лишь одна была земная ласка:
То —
Раздолье пыльных сорных трав.

Игры?
Бронированная каска...
Штык французский.
Пули всех держав.
Воробьев мы из рогаток били
(Воробьи в те годы
Сладки были!),
Их на палке жарили в саду.

...Побегу с горы по желтой пыли,
По колени в море забреду:

Там и в солнце и в предгрозном мраке
Тихо пела светлая вода...

Голуби, и кошки, и собаки
Город наш покинули тогда...

Что же? Ни укора, ни угрозы.
Я стою, за мной моя семья.

На глаза мои находят слезы:
Только радугу и вижу я.
Кажется, что я
Явился просто
В мир,
Как будто не было отца,
Что родился я
С мужчину ростом,
С кулаками и лицом бойца...

...Елка? У меня-то? В самом деле...
Яблоки и лампы, и светло.
Детства запоздалое веселье,
Наконец ко мне
И ты пришло.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Я иду, и воздух мне сладок.
А вокруг никого.. лишь на белом снегу
Двух больших сапог отпечаток.
Впереди полустанка ночные огни.
По бокам — только сосны да ели одни.

И невольно стараюсь я попадать
В след безвестного пешехода,
И невольно хочется угадать:
Кто он — токарь с электrozавода?
Иль влюбленный в дело свое мукомол?

Я не знаю,
Но — полон привета
К неизвестному труженику,
Что прошел
Впереди меня
В час рассвета.

ВМЕСТЕ

Как долго не виделись мы с тобой!
...Была ты дочерью и сестрой,
И доброй женой была,
А мы не встречались, а ты — другим
Вверяла с детским доверьем своим
Желания и дела.
О, не были мы никогда вдвоем!
...Я сыном был и ушел, потом
Был мужем, — она ушла.
И я одиноко сидел за стол
И пол одиноко метелкой мел.
Теперь мы — вдвоем у стола.
Качается чашка в твоей руке.
На миг припадаю щекой к щеке, —
Все слышит ухо мое:
И кровь невидимкой назад - вперед,
И челюсть маленькая жует,
И губы тянут питье...
На миг я как будто бы стал тобой:
Вот вьются волосы за спиной,
Вот грудь облегло полотно.
Мы разом воздух вдыхаем ртом
И выдохнем разом, опять вдохнем,
Как будто — не двое, одно.

1938

*
* *
*

Порою, когда мы приходим в дом,
Где знали заране, что мы придем,
Гляжу вперед на убранство стола
И вниз, где недавно поржала метла,
И „как поживаете?“ слышу слова
И вижу: кивает мне голова,—
И тянутся руки к моим рукам —
Хозяин подходит с улыбкой к нам,
И в каждом, кто только глядит на нее,
Улыбка родит
Отраженье свое,—
Я весел...
Но вдруг подумаю так:

Всегда ли хозяин такой добряк?

И так ли все чисто в дому — без гостей?

И — спрашивающий о жизни моей
В ней примет участие, услышав ответ?

И грустно подумать, что, может быть,—
Нет...

1940

ПРОМЕЛЬК

Я помню чудное мгновенье.

Пушкин

Есть, порой, на московской площади
Тихий промельк, секунда одна:
Ни троллейбуса вдруг, ни лошади,—
Непонятная тишина.

Словно время на размышление
Всем идущим на миг дано,
Словно сбудется во мгновение
Все, чем сердце, порой, полно.

Словно всех незнакомых ранее
В этот полдень сошлись пути,
Узнаванье пойдет, братание
Всех,—
С кем вместе жить и итти.

Вот уж кажется: начинается!
(...Дальний оклик, веселый вскрик...)
...Но вот тут-то и появляется
Неожиданный грузовик.

Вновь машин легковых мелькание,
Ветра легкая полоса.

Но не ветер, людей дыхание
Овевает мои волоса.

1940

Мне этот человек знаком? Знаком.
 А как же! Часто сходимся вдвоем
 У радиотрубы, в дверях трамвая.
 Он часто молод, а порою сед.
 Порой в пальто, порой в шинель одет.
 Он все спешит, меня не замечая.

Мы утром у киоска ждем газет:
 — Ну как в Мадриде?
 Жертв сегодня нет?
 А что китайцы — подошли к Шанхаю?

А как
 В Полтаве ясли для детей?
 (О, этот семьянин и грамотей
 На всю планету смотрит... Я-то знаю!)

Куда ни повернешься — всюду он!
 Его в Туркмению везет вагон,
 Его несет на север в самолете.

Пусть снизу океан ломает лед...
 Он соль достанет, примус разведет, —
 Как дома приготовится к работе.

Он обживется всюду и всегда.
 Сожженный солнцем камень, глыба льда —
 Все для него квартира неплохая.
 Где б ни был он, там вспыхивает свет.
 Где б ни был он, там Сталина портрет
 И хлеб, и чертежи, и кружка чая.

А как поет он песни! Все о том,
 Кто водит караваны, любит дом
 И в облаках плывет. Сидит в Советах.

Так на рояле, в хоре, на трубе
Он распевает песни о себе
И улыбается, как на портретах.

Он толст и тонок, холост и женат,
Родился сорок, двадцать лет назад.
Родился в Минске, в Харькове, в Тюмени.
Вот он идет по улице, гляди:
Порою орден на его груди,
Порою только веточка сирени.

Он любит толпы людных площадей,
Стакан вина и голоса друзей,
Такой уж он общительный мужчина...

Над буквами газетного столбца
И в зеркале моем —
Черты лица
Знакомого мне с детства гражданина.

1939

Ты присядешь, как равный, к любому
котлу,—

Всюду знание почетно и труд.
И полюбят тебя. И в твою пиалу,
Что захочешь, того и нальют.

Дни пойдут... И когда, вечерами,
из мглы

Вдруг по воздуху пред тобой
Поплывут позабытые хата, волю,
Горицвет и горошек степной,—
Будет совесть твоя и ясна, и чиста:

Хоть слезою глаза заблестят,
С благодарностью вспомнишь родные
места,

Но уже не захочешь — назад.

1938

РАБОТНИКИ ПЕРЕПИСИ

«... В труднодоступные районы
Центральных Кара-Кумов до-
срочно посланы работники пе-
реписи».

Газета „Т у р к м е н с к а я
и с к р а“.

Они уже пятнадцать дней назад
Покинули столицу Ашхабад,—
Пятнадцать дней пустыни и пути.

Им полагалось в списки занести,
Им разыскать велели всех людей,
Что родились в песках
От матерей,
Родившихся в песках,
А потому —
Живут в пустыне, как в большом доме.
Их возраст, средства жизни, имена
Хотела знать Советская Страна.

О том, проштемпелеван и цветист,
Всем встречным говорил бумажный лист,—
Командировка — попросту сказать,
На ней стояла круглая печать,
Где молот скрещивается с серпом,
А солнце озаряет их лучом.

Три счетчика пятнадцать дней назад
Покинули столицу Ашхабад.

Порой раскачивала их арба,
Порой — волна верблюжьего горба.

Пустынный мир являлся каждый час:
Джейраны попадались им не раз,
Пустынный ворон посылал привет,
И ящерица им глядела вслед,
И тени рыб мелькали в мути рек...

Но им был нужен — только человек.

Да! Только к человеку шли они.
Людей, людей искали в эти дни
По всем дорогам (там, где нет дорог, —
Брели по следу человеческих ног,
На отзвук песни, запахи костра,
На лай собаки, звездный свет шатра).

Они шагали по путям людским,
Скорбя о мертвых, радуясь живым.

И всюду были куполы шатров,
И женщины варили жаркий плов.
Хозяин разливал верблюжий чал,
Потом приезжим имя открывал
И место, где его родила мать...
И были все горды:
Ведь важно знать,
Что широка страна, велик народ,
Но каждое людское сердце —
В счет.

1939

ДОРОГА НА ФИРЮЗУ

Пели ласточки. Попеременно
Ветер дул то в спину, то в глаза.
Шел туркмен навстречу.
У туркмена
Я спросил: „Далеко ль Фирюза?“
Видно, он не говорил со мною
На одном и том же языке.
„Фирюза?“
И указал рукою
На сиянье в желтом далеке.
Я пошел к сиянью...

Вечерело.
Был я и один и не один,—
По шоссе навстречу то и дело
Мчали тени грузовых машин.

Жизнь! Она повсюду, не обманет...
Всюду чистые ее следы,—
Вдруг тюльпаном встанет,
Мошкой прянет,
Тростником взойдет из-под воды.

Вот он, раскаленный до обжога,
Желтый мертвый камень, а и тот...
Лишь приподыми его немного,—
Что-то проползет, трава растет!

... Жар спадал, и в освеженной дали
Неплодовые цвели кусты,
На ладонях (листьях) подымали
Оправдание свое: цветы.

Шел в тревоге я живой и крепкой.
Встречный куст хотелось покрыть
Пиджаком, украсить сверху кепкой,
Будто с человеком говорить.
Так я думал.

А вокруг гудели
Телеграфные столбы. Но мне
Ласточек, что над столбом летели,
Больше не хотелось видеть.
Мне —
Человечье надобно дыханье,
Руки пожимать, смотреть в глаза.

... А навстречу ширилось сиянье:
Это был поселок —
Фирюза.

1939

О НЕЗНАКОМОМ ДРУГЕ

Он ко мне, я к нему не ходили на дом,
Рук не жали при встречах.
Но

Наши судьбы порою ступали рядом
И могли бы слиться в одно.

По одним и тем же лестницам шли мы,
В те же двери входили мы,
Так как были одной мечтой движимы...

А знакомы не были мы.

Но между нами люди были:

Порою
Узнавал я на стороне:
Дорожит он моей судьбою,
Говорит, как друг, обо мне.

И когда склонялся я над страницей
Им в тиши написанных книг,
Как хотел я, чтоб рядом был узколицый
И застенчивый большевик.

А потом я узнал—он в снегах сражался,
Пал героем в бою с белофиннами он,
И сказали, что от него остался
Только воинский медальон.

Что за робкая сила мне помешала
Подойти к нему в должный час,—
Человеческой дружбы познать начало,—
Ведь видались мы столько раз!
Помню—шли через Красную площадь парадом...
Солнце! так светило оно,
Что порой наши тени скользили рядом,
А порой сливались в одно.

ДОМ В ТОРТОСЕ

Сотня птиц на каждой сосне,
Сотня маленьких крикунов...
И на миг захотелось мне
Сбросить груз моих башмаков.
И когда б не люди кругом,
Я бы обнял руками ствол,—
Будто в детстве, ползком-ползком
До вершины сосны дошел.
Я качался бы налегке,
Я вбирал бы солнечный свет...

Если б я не держал в руке
Исполинских листьев — газет:
Вот на снимке испанский дом,
Над которым шел бомбовоз.
Дом с проваленным потолком,
Дом — для ветра, жилище гроз.
Все — на улице: стол и стул
И кровать, подружка любви.
И тележка... Но старый мул
Не везет, а лежит в крови.

. . . . .
. . . . .

Дом в Тортосе. Жилище гроз.
Дом для ветра... А кто в нем рос,
Стал мужчиной, женился там?
Граждане!
За этой стеной
Пели женщины по утрам,
Стекла мыли, мели метлой.
Братья!
Дым выходил из труб:
Это двигали сковороду,
Так любовно солили суп,

Будто благословляли еду.
Я свидетельствую, что тут,
Где была этажерка, там,
Где стояла кровать,—
Ревут
Ветры мокрые по утрам.
Разрушитель!— плати за дом
Рыжей хитрою головой.
Я настаиваю на том,
Что жильцы не спят — под землей,
Что зажжется лампа в окне.

...Я стою с газетным листом,
И припоминается мне
Дом в Одессе,
Дом в голубом.

(Голубой воды — не стакан!—
Море плещется широко.
К шелковице прильнул платан...
Южно-южно, легко-легко.)

В доме комната есть одна.
Ни мимоз, ни ландышей в ней.
И коврами не убрана.
И вином не манит гостей.

Но когда бы звонок дверной
Ни нажал я,
Всегда, в ответ,
Зашуршат шаги за стеной,
Двери скрипнут, зажжется свет,
Выйдет женщина...
Мать. Привет.

Я горжусь, что сквозь жизнь пронес
Сердце цепкое, что хребет
Мне не выгнул туберкулез,
Что и пальцы мои крепки,
Что в ответ на обиду, мать,
Я сумею их в кулаки,—
Как и все — на винтовке сжать.

Жди меня. Обметай порог.
Мой посуду и ставь в буфет...

Никогда интервента сапог
Не запачкает наш паркет.

1939

СМОТРИТЕЛЮ ДОМА

Если постучится у ворот —
От ветров и солнца темнокожий —
С книжкой моих стихов прохожий,
Спрашивая громко:
— Тут живет
Человек, который всюду
Славить будет землю и людей
На земле трудящихся, —
Покуда
Не земля — на нем,
А он — на ней;
И который, хоть писал годами,
Обыскав карманы брюк своих, —
Вытащит не кошелек с деньгами,
Только сильных две руки мужских;
И не птичьим посвистом гордится, —
Яблоком, киркой в руках людей,
Потому что больше пенья птицы
Любит смех и голоса друзей,
И затем лишь и живет на свете?.

Увидав в моем окошке свет,
Вы тому товарищу ответьте:
— В этом доме есть такой поэт.

*
* *

Плыл ли морем, шел ли я базаром,
Никакой одежды, ни огня
На земле мне не давалось даром.
Ни зерна, ни праздничного дня!
И доволен я своими днями:
Языком не брал я
И слюной
То, что нужно
Охватить руками!
Над моими многими делами
Может реять красный флаг большой.

Ни монет гремящих нет, ни лести,
А сочти число друзей моих:
Если б все они
Сошлись вместе —
Я не смог и угостить бы их!
На земле, на море — я с друзьями.
Паруса их вижу над волнами.
По дорогам верными путями
Люди — не столбы! — меня вели.
Мы трудились вместе!
Между нами
Не лежит могилой пласт земли!
Со лжецом слюнявым, с тихим вором
Не делил я хлеба в тишине.
Оградил я дверь от них запором —
Легче снова дверь пробить в стене!
Ведь меня кормили грудью, мыли,
Дали имя, целовали в рот.
И во имя этой чудной были
Я не смею не итти вперед!

Славить будем всех,
на чьих гербах —
Ни орлов, ни филинов,
ни псов, —
Только колос,
срезанный в полях,
Только серп и молот
их отцов!
Наберем пшеницы
спелой горсть
И прославим
пахаря труды!
Он прошел за плугом
столько верст,
Что дошел бы
даже до звезды!
Столько на земле
собрал плодов,
Что нехватит
на земле столов.
Над зерном не вейся,
птичий свист!
Розы — пекарю,
его труду.
Хлеб его
да будет свеж и чист,
Как разрезанное
яблоко в саду!
Эй, сапожнику
желаем сил:
Сапоги такие
пригони,
Чтобы путь
меня не устрасил,

Ни орлов, ни воронов,
ни львов, —
Только колос,
срезанный в полях,
Серп и молот
испокон веков!

1936

ТРУБКА

Я скакал в Ойрот-Туру без шапки.
Зеленело, пело предо мною.
И пчела — и та! — от счастья лапки
Тихо потирала над травкою.

Я в карман за трубкой..
Тут и плохо:
Потерял я трубку на дороге,
Где-нибудь среди чертополоха,
Глупый ротозей, осел двуногий!

Вот уже домов белеют пятна,
И долина дымом труб увита.
Но коня поворотил, обратно
Тихо еду, глядя под копыта.
(Что мне трубка? Мелкая монета!
Рубль цена и детская работа..
Влажной мне досталась трубка эта,
Прямо в рот из теплых губ ойрота, —
Памятью о мимолетной встрече:
Любишь — веря,
Веруешь — не зная..
Все, чем сильно сердце человечье,
Я вдыхал, ту трубку разжигая.
Если тот, кто звался другом ране,
Уходил иль просто жить труднее, —
Трубку я отыскивал в кармане, —
Сразу все теплее и светлее.
И слова о верности счастливой —
Нет! — не воздуха пустого сотрясенье!)

... — Мы найдем пропажу, черногривый,
Не кусай уздечки в белой пене! —

Конь, дорогу длинную прошедший,
Нехотя назад идет, вздыхая,
В нежности и ласке человеческой
Ни черта — увы! — не понимая.

1937

ОГОРОДНИКУ

Как была вкусна эта дыня,
Нами съеденная второпях!
Пыль тускнела отсветом синим
На прижатых к земле листьях.
Сколько радости
Из-за чистых,
Пересахаренных ломтей!
Мы сидели на жестких листьях,
Двое в землю влюбленных людей.

...Встану я на землю сухую,
Упаду на нее, замру,
Впившись пальцами в грудь земную,
Дряхлую и родную кору.
И увижу я огороды.
И увижу я —
Без погуг
И без стонов — осенние роды,
Протекающие вокруг.

Я дыханья не пожалею!
Если надобно, кровь пролью!
Чтоб на каждом листке —
Своею
Каждой каплей писать:
„Люблю“.
Я всегда дрожал над растеньем,
Видя стебель, добытый трудом.
Каждый листик
С великим терпеньем
Вырезан сообразно с плодом!
Я всегда любил голубую
Речку,
Чашу, полную вод:

Каплю только добавь дождевую —
И волна через край потечет!
Но вода непрерывно струится,
Дыня, лист..

Почему же везде
Мне людские мерещатся лица —
В травах, в облаках, на воде?

...И морщины твои так тонки,
Огородник.
Сужу по рукам:
Ты привык к плодам и трудам,
Только в детстве — себе на пеленки —
Ты не зарабатывал сам!..
Десять пальцев твоих дороже
Сладких дынь, арбузов и трав!..
На дороге десять прохожих —
Спросим — прав я или не прав:
Я и воду, и птичьи речи,
И плоды, и листвы тряпье —
Не возьму за одно человечье,
Огородник, дыханье твое.

1936

ДВЕРИ НАСТЕЖЬ

Отворила девушка окно,
В целый мир распахнуто оно, —
Стекол между нами больше нет.
Сквозь цветы и листья вижу я:
Краснощекая сидит семья.
В комнате гитара. Хохот, свет.

Эти люди незнакомы мне,
Но изображенья на стене —
Моря, винограда, кузнецов —
Говорят:
— Здесь сильная семья.
И ее судьба — судьба твоя,
Самовар и для тебя готов.

Что мешает мне пойти вперед?
Как сверкает лестницы пролет!
Почему бы в дверь не постучать?
Что же стало на моем пути?
Почему мне в двери не войти,
Сесть за стол и тоже хохотать,
Будто мы знакомы с давних лет?
Что с того, что я им не сосед!

Я всегда молился на друзей,
На сердца, на руки их, на рот.
...Как сверкает лестницы пролет!
Эй, хозяйка,
Открывай скорей!

МОЯ ФОТОГРАФИЯ

На фотографии мужчина снят.
Вокруг него растения торчат,
Вокруг него разросся молочай—
И больше ничего... Безлюдный край!
И больше ничего, как будто он
И вправду под капустою рожден...

Я с удивлением гляжу на свой портрет:
Черты похожи, а меня и нет!
Со мной на фотографии моей
Должна бы сняться тысяча людей,
Людей, составивших мою семью.
Пусть мать качает колыбель мою!
Пускай доярки с молоком стоят,
Которое я выпил год назад,
Оно белело, чисто и светло,
Оно когда-то жизнь мою спасло.

Матрос огромный, с марлей на виске,
Качающийся на грузовике
В гробу открытом лунной ночью... Он
Сошел на землю охранять мой сон,
Акацию и школьную скамью
И навсегда вошел в мою семью.

А где-то сзади моего лица
Найдется место и для подлеца,
Чей прах в земле — и тот враждебен мне:
Явись, Деникин, тенью на стене!

Торговка Марья станет в уголке,—
Купоны, боны, кроны в кошельке,—

Рука воровки тянется к плодам...
Я враг скупцам, лжецам и торгашам!

Со мною должен сняться и солдат,
Мной встреченный семнадцать лет назад.
(Такое шло сиянье по волне,
Что стыдно было плюнуть в воду мне.)
Солдат французский в куртке голубой,
Который дыню поделил со мной,
Почуяв мальчика голодный взгляд...
Шумело море... Где же ты, солдат?
Забыв твои глаза, улыбку, рот —
Я полюбил всей Франции народ.
Так я пишу. И предо мной портрет, —
Ему уже конца и края нет:
Явиться, хохоча и говоря,
Матросы, прачки, швеи, слесаря.
Без вас меня не радует портрет:
Как будто бы руки иль глаза нет.

Учителя, любившие меня!
Прохожие, дававшие огня!

Со мною вы. Без вас, мои друзья, —
Что стоит фотография моя!

1936

ЖАЛОБЫ НАБОРЩИКА И ПОЯСНЕНИЯ АВТОРА

Знаете, двадцать два года
Я набираю
То песню, то стих.
Буквы родного народа,
Как тяжелы вы в ладонях моих!..
Часто ль и в книгах вы были
Так тяжелы, как частицы свинца,
А не бумаги и пыли?

Часто ли книги имели сердца?

Часто, открыв переплеты,
Видишь портреты плечистых мужчин,
Годных для лучшей работы...

Вот и еще отыскался один,
Требующий реала:
„Дружба, — твердит, — единенье сердец!“
А музыкальности мало
И поэтичности...
И, наконец,
Все о себе он судачит —
Словно в семейном письме... А зачем?

Автор:

Друг. Я вас понял, а значит —
Скажем, что
Я обращаюсь ко всем,
Кто иногда, замирая,
Тянется к свету чужого окна;
В шествии Первого Мая
Светлую радость находит сполна,

Радость — едва не целуя,
Плеч незнакомых касаться и рук,
Видеть не толпы, а лица вокруг...

Да, без конверта пишу я —

Вам, — для спасения друга
Шедшие в финский мороз —
Под шрапнель.

Рамки семейного круга
Разве не ваша стирала шинель!

Вам, кто с трамвайным соседом
Разговорится, признав по глазам
Друга, который неведом.

Пения хором любители —
Вам!

. . . . .

Нет, не „певучее“ слово
Наша поэзия вольных сердец, —
Мост по проекту Крылова,
Став на который
Провалится лжец!

СОДЕРЖАНИЕ

I

Валентин (поэма)	3
Первая елка	20
Первый снег	22
Вместе	23
Порою, когда мы приходим в дом	24
Промельк	25

II

Человек	26
Приглашение в Туркмению	28
Ночная песня в Арпаклене	30
Работники переписи	32
Дорога на Фирюзу	34
О незнакомом друге	36
Дом в Тортосе	37
Смотрителю дома	40

III

Из книги „Стихи товарища“ (1937)

Плыл ли морем...	41
Слава	42
Трубка	45
Огороднику	47
Двери настезь	49
Моя фотография	50
Жалобы наборщика и пояснения автора	52

Издательство просит читателя! дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников изд-во просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

Все материалы направлять по адресу: Москва, Б. Гнезниковский пер., д. 10, изд-во „Советский писатель“.

Ответственный редактор К. Симонов
А35181

Подписано к печати 11 января 1941 г.

•

Печатных листов 1^{3/4} авторских листов 2,58
Количество печ. знаков в листе 50400

•

Заказ № 4470

Тир. 5000

Цена в обложке 2 руб. 50 коп.

Отпечатано с набора 11-й типографии МОМП
в школе ФЗУ ОГИЗа треста „Полиграфкнига“.
Москва, Хохловский, 7. Зак. 2321.

Цена 2 руб. 50 коп.

